

© 2011 г.

ХІ ЖЕБЕЛЁВСКИЕ ЧТЕНИЯ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ (28–30 октября 2009 г.)

28–30 октября 2009 г. на историческом факультете Санкт-Петербургского университета состоялись XI Жебелёвские чтения, организованные кафедрой истории древней Греции и Рима и Центром антиковедения СПбГУ. «Чтения» были посвящены 150-летию со дня рождения выдающегося филолога и историка античности, профессора Санкт-Петербургского университета Фаддея Францевича Зелинского (1859–1944 гг.). В конференции приняли участие антиковеды из Санкт-Петербурга, Москвы, Архангельска, Великого Новгорода, Иваново, Казани, Нижнего Новгорода, Магнитогорска, Перми, Петрозаводска, Самары, Саратова, Ставрополя, Сыктывкара, Тамбова, Челябинска, Ярославля. Работа конференции включала два пленарных заседания и десять заседаний по шести секциям: истории древней Греции, истории эллинизма, истории Рима, источниковедения и историографии, Северного Причерноморья в античную эпоху, истории раннего христианства. Всего было представлено и обсуждено 65 докладов.

Пленарное заседание открыл заведующий кафедрой истории древней Греции и Рима, директор Центра антиковедения СПбГУ профессор Э.Д. Фролов. Свое вступительное слово он посвятил 150-летию юбилею выдающегося отечественного исследователя античности Фаддея Францевича Зелинского. Э.Д. Фролов дал обзор жизненного пути и научного творчества ученого, особо подчеркнув значение его трудов по истории античной литературы и античной религии. Докладчик также отметил вклад Ф.Ф. Зелинского в дело перевода произведений античных авторов на русский язык (переводы Еврипида, Софокла, Цицерона). Была подробно охарактеризована педагогическая деятельность Ф.Ф. Зелинского в Петербургском университете, где он преподавал с 1885 по 1921 г. Э.Д. Фролов рассказал о трагических перипетиях в жизни великого ученого: одна была связана с вынужденной эмиграцией (формально – репатриацией) в Польшу, вторая – с трагическими событиями, когда Зелинский, уже глубоким стариком, должен был покинуть разрушенную немцами Варшаву и искать прибежища у своего сына в Баварии.

В.М. Строецкий (Нижний Новгород) в докладе «Геродот в оценке классической и эллинистической историографии», проанализировал отношение к «отцу истории» авторов V–IV вв. до н.э. – Фукидида, Аристотеля, Исократа. Рассмотрев также историческую и литературную традицию эллинистического периода, докладчик выступил против возникшего с конца XIX в. и ставшего в дальнейшем господствующим мнения о том, что в эпоху эллинизма Геродот не читали и что он пользовался репутацией рассказчика удивительных историй и мифов. По мнению В.М. Строецкого, эллинистические авторы независимо от высказываемой ими в адрес Геродота положительной или отрицательной оценки, безусловно, либо знали его труд в оригинале, либо пользовались его материалами из вторых рук, кроме того, сочинение Геродота служило им не только источником, но и образцом для моделирования текстов собственных сочинений. В докладе «Неразгаданная загадка греческой эпиграфики: надпись жреца Теса на гробнице из Амасии» С.Ю. Сапрыкин (Москва) дал комплексную характеристику ценного, но весьма сложного эпиграфического памятника Понтийского царства. Анализируемая докладчиком надпись, обнаруженная на стене одной из вырубленных скальных гробниц в Амасии – древней столице Понтийского царства, представляла собой краткий текст в пять строк на древнегреческом языке, датируемый концом III – началом II в. до н.э., в котором упоминается верховный жрец Тес, похороненный в этой гробнице. Особое внимание в докладе было уделено последним двум строчкам этой надписи, которые оказались тщательно сбиты и выскоблены еще в древности или в эпоху средневековья. Как отметил С.Ю. Сапрыкин, ученые XIX–XX вв. тщетно пытались разгадать их смысл, предлагая зачастую нереальные, а порой просто фантастические варианты прочтения, которые опровергали друг друга. Автор на основании собственного визуального изучения текста на месте, сохранившихся фотографий и сопоставления всех ранее предлагав-

шихся вариантов чтения отдельных букв, восстанавливает текст утраченной надписи на гробнице следующим образом: «Тес / верховный жрец / и эпитроп / Амасея». По мнению С.Ю. Сапрыкина, утраченная надпись относилась к верховному жрецу Тесу, одновременно являвшемуся эпитропом – хранителем или служителем храма или героона Амасея, по всей видимости, ктиста или покровителя города Амасии, давшего ему свое имя.

Доклад *Т.В. Кудрявцевой* (Санкт-Петербург) «Процессы в связи со сдачей отчета в классических Афинах и “дело Пахета”» был посвящен рассмотрению порядка сдачи отчетов должностными лицами на примере дела военачальника Пахета (427/6 г. до н.э.). Автор выделила типичные для такого рода процессов черты, рассмотрела различные версии причин выдвижения обвинения против Пахета, наконец, предложила собственное объяснение трагической развязки данного процесса – самоубийства обвиняемого. Тема доклада *Ю.Б. Циркина* (Санкт-Петербург–Великий Новгород) – «Военная анархия в Римской империи». Обращаясь к сложному периоду истории Римской империи, автор отметил, что в политической сфере так называемая «военная анархия», установившаяся в середине III в. н.э., была закономерным итогом развития римского государства и в то же время началом новой эпохи его истории. Говоря об итогах периода военной анархии, Ю.Б. Циркин выделил следующие обстоятельства: 1) приобретение императорской властью самодержавного характера; 2) усиливавшаяся тенденция к регионализации и децентрализации Римской империи; 3) начало процесса утраты Римом функции столицы, который завершился официальным переносом столицы в Константинополь; 4) радикальные изменения в правящей элите римского государства: место образованных, порой талантливых дилетантов занимают умелые профессионалы; 5) изменение идеологических и психологических отношений между властью и обществом. В заключение Ю.Б. Циркин подчеркнул, что военная анархия предстает не только как эпоха тотального разрушения, но и как переходная стадия от одного состояния Римского государства к другому, более соответствующему политической, социальной, экономической и религиозно-идеологической реальности, однако этот переход не был относительно плавным, эволюционным, а носил взрывной, скачкообразный, т.е. революционный характер.

Во второй половине дня 28 октября начали работу секции. На первом заседании *секции по истории древней Греции* (председатель – В.М. Строгоцкий) было прочитано шесть докладов. *Е.А. Молев* (Нижний Новгород) в докладе «О вероятности локализации Дороса на месте античного Китея» указал на высказанное в 2006 г. А.Л. Ермолиным предположение, согласно которому упомянутая в книге Проклопия Кесарийского страна Дори располагалась на территории восточной части Керченского полуострова между Тиритакским и Узунларским валами, центром же ее был город Дорос, находившийся на месте античного Китея. По мнению Е.А. Молева, в то время город Китей действительно существовал, но анализ сведений письменных источников и материалов раскопок городища и некрополя Китея не дает убедительных оснований для предполагаемой А.Л. Ермолиным локализации.

Следующие пять докладов были посвящены проблемам греческой архаики. В докладе *Л.А. Пальцевой* (Санкт-Петербург) «Судопроизводство в Греции в VII–VI вв. до н.э. (по данным эпиграфических источников)» был проведен системный анализ группы эпиграфических памятников архаического периода (вторая половина VII – VI в. до н.э.), имеющих отношение к организации судопроизводства в некоторых греческих полисах (Дрерос, Гортина, Эретрия, Хиос). Исследование данных материалов позволило автору доклада убедительно показать, что характерное для ранней архаики самовластие судей постепенно сменяется установлением общественного контроля над судебными органами, регламентацией их деятельности. Л.А. Пальцева отметила, что законы, регулирующие деятельность судей – независимо от того, кем и с какой целью они предлагались – ограничивали произвол и другие негативные проявления в судопроизводстве. Тема доклада *Л.Г. Печатновой* (Санкт-Петербург) – «Способы отрешения от власти спартанских царей». Автор подчеркнула, что в Спарте одним из действенных способов удалить с политической арены царей или их наследников было обвинение в незаконном происхождении или поведении, несоответствующем общепринятым нормам. За всю историю Спарты, как заметила Л.Г. Печатнова, к обвинениям подобного рода прибегали трижды: в 491 г. до н.э. был лишен власти противник Клеомена I царь Демарат, в 399 г. до н.э. – Леотихид, сын царя Агиса II, а в 243 г. до н.э. в неподобающем для будущего царя поведении был обвинен Леонид II, политический противник царя-реформатора Агиса IV. При этом из трех рассмотренных случаев санкция Дельф понадобилась спартанцам только однажды – при устранении Демарата. По мнению автора, правящие элиты не хотели привлекать для решения своих внутренних разногласий общественное мнение вне Спарты и потому старались опираться исключительно на местную сакральную практику.

Доклад *В.И. Шубина* (Архангельск–Санкт-Петербург) «Питекусса: к вопросу о первоначальном характере колонии» был посвящен рассмотрению проблемы, являющейся предметом научной дискуссии в работах современных исследователей, которые, опираясь на свидетельства античной

традиции о Питекуссе и данные археологии, предлагают различные оценки первоначального характера этого поселения. По мнению Дж. Бюхнера, Д. Боурдмена и др., Питекусса была эмпорием, основанным полисами Эвбеи для торговли с Этрурией. В свою очередь, А.Грэхем, Б. д'Агостино и др. считают Питекуссу апойкией, хотя и не отрицают значительной роли торговли в ее экономике. По мнению В.И. Шубина, последняя точка зрения является более обоснованной: Питекусса была основана как аграрное поселение (апойкия) и стала в дальнейшем полноценным полисом. В докладе О.Ю. Владимирской (Санкт-Петербург) «Алкмеониды и их роль в формировании афинского полиса» были отмечены особенности аристократии как социальной группы, обладающей властью в архаическом полисе благодаря богатству, контролю над судопроизводством и религиозной жизнью, знатному происхождению. Рассматривая в качестве примера знатный афинский род Алкмеонидов, О.Ю. Владимирская заключила, что их целью было достижение максимального влияния в родном полисе, при наблюдении, прежде всего, своих личных интересов. Автор подчеркнула, что борьба аристократических кланов во многом определяла внутриполитическую жизнь Афин VI в. до н.э., она повлекла за собой установление тирании, которая, в конечном итоге, значительно снизила влияние знати в Аттике. В конце VI в., после реформ Клисфена, политические права и привилегии аристократов распространились на весь гражданский коллектив, а сами они стали выразителями интересов не только своей группы, но и всего полиса в целом.

Тема доклада Е.Е. Макаровой (Великий Новгород) – «Загородные святилища на хоре Метапонта». По ее мнению, эти святилища представляют собой уникальный пример комплексного освоения хоры начиная с конца VII в. до н.э. Именно к этому времени, предшествующему прибытию сюда ахейцев, следует, как считает Е.Е. Макарова, отнести возникновение тесной связи полиса и хоры на уровне религиозной практики – это позволило автору заключить, что, возможно, прибывшие ахейцы всего лишь унаследовали идею загородных святилищ от своих предшественников – греков, попытавшихся обосноваться в этом районе ранее. В то же время нельзя сказать, что ахейцы не были готовы воспринять этот опыт. Так, на территории Ахайи – их метрополии – можно назвать, по крайней мере, два примера, которые относятся ко времени до начала ахейской колонизации, когда загородные святилища были знаковыми в обозначении границ территорий. Е.Е. Макарова заключила, что ранние святилища представляли собой не только пограничные маркеры пространственных границ, но были самими первыми структурными элементами для последующего межевания хоры Метапонта.

28 октября на *секции по истории эллинизма* (председатель – О.Ю. Климов) были заслушаны пять докладов, вызвавшие живой интерес и обсуждение. Доклад Э.В. Рунга (Казань) «О договоре Филиппа II и Артаксеркса III Оха» был посвящен проблеме историчности договора македонского царя Филиппа II и персидского царя Артаксеркса III Оха. Центром внимания автора было упоминание в письме Дария III Кодомана к Александру Великому македоно-персидского договора о дружбе и союзе. Отметив, что вопрос о достоверности этой информации вызвал оживленную полемику в историографии, автор рассмотрел основные аргументы *pro* и *contra* и попытался реконструировать исторический контекст возможного заключения договора. М.М. Холод (Санкт-Петербург) в докладе «Митилена при Александре Великом» обратился к истории Митилены, крупнейшего полиса на Лесбосе, в переломный для нее, как, впрочем, и для остального греческого и восточного мира, период – эпоху Александра. В данной связи автор исследовал весь имеющий отношение к делу материал источников – как литературных, так и эпиграфических. При этом в дискуссионном вопросе относительно даты появления двух митиленских надписей – «декрета о согласии» (SEG 36. 750) и постановления, посвященного урегулированию в полисе споров после возвращения туда изгнанников (IG XII. 2. 6), – автор привел аргументы в пользу 332/1 г. до н.э. В докладе «Историография битвы при Гранике» А.К. Нефедкин (Санкт-Петербург) рассмотрел, прежде всего, западную историографию XIX–XX вв., проанализировал ее основные направления и оценки как общего значения, так и частных вопросов важнейшего сражения начального этапа Восточного похода Александра Македонского.

Тема доклада А.И. Юрина (Санкт-Петербург) – «Македония и ее границы на рубеже IV–III вв. до н.э.». Автор проанализировал изменения границ македонского государства в указанный период, а также провел сравнение владений Филиппа II и Антигона Гоната. Прежде всего, он рассмотрел вопрос о границах царства при последних Аргеадах: Филиппе II и Александре Великом, сосредоточившись, главным образом, на собственно македонских землях, не учитывая иноземные владения царей. А.И. Юрин подчеркнул, что границы в то время проходили по удобным для защиты естественным рубежам: по высоким горам на западе, юге и севере, по реке Нест на востоке. Автор указал также, какие территории были потеряны македонскими правителями в период после смерти Александра и до момента воцарения Антигона Гоната. Далее автор исследовал вопрос о борьбе за власть Антигона с Птолемеем Керавном, Пирром, а также с варварами галлами. Было отмечено, что хотя Антигону Гонату не удалось в полном объеме восстановить границы Македонии времен Филиппа II и Александра, тем не менее он более или менее прочно утвердил свою власть в Македонии, в результате

чего династия Антигонидов правила страной почти полтора столетия. Доклад *Ю.Н. Кузьмина* (Самара) «История древней Македонии в работах Ф.Ф. Соколова» был посвящен трудам выдающегося российского историка и эпиграфиста Ф.Ф. Соколова (1841–1909) и, в частности, изучению им ряда сюжетов, связанных с внешней политикой македонских царей классического и эллинистического периодов: мятежа Александра Коринфского, договора Аминты III с Халкидским союзом, датировке битв при Косе и Андросе, а также хронологии Хремонидовой войны. Автор доложил также о том, как трактуются эти вопросы современной историографией.

28 октября на первом заседании *секции по истории Рима* (председатель – А.Б. Егоров) были прослушаны и обсуждены пять докладов. *Е.А. Чиглинец* (Казань) в докладе «Рецепция античности в европейской культуре XX в.» отметил, что сегодня в гуманитарных науках накоплен значительный эмпирический материал о рецепции античного наследия, в особенности, конечно, римского. При этом современное изучение социокультурного восприятия античности опирается на методологический синтез новейших теорий гуманитарного знания. XX век – век массовой культуры и массовой коммуникации – создает благоприятные условия для рецепции античного наследия в социальном сознании. Результатом этого процесса является выработка комплекса представлений об античности, в том числе образы античных исторических персонажей. По способу их интерпретации в современной культурологии автор определил их как образ-знак, образ-символ и образ-судьба.

Следующие четыре доклада были посвящены проблемам истории Рима в эпоху Республики. *Л.П. Кучеренко* (Сыктывкар) прочитала доклад «Цензуры в градостроительной практике Италии». Как известно, с завоеванием Италии градостроительная деятельность цензоров вышла за пределы Рима. По мнению автора, цель этой деятельности заключалась в распространении принципов хозяйственной жизни Рима на соседние народы. В докладе «Право консулов на часть военной добычи: негласный обычай?» *А.П. Беликов* (Ставрополь) указал, что в период Республики не существовало закона, по которому консул обязан сдавать в казну всю военную добычу. Такой закон, предусматривающий и наказание за его нарушение, появился только в самом начале Принципата. По мнению автора, современные исследователи в дискуссиях о возможности консула присваивать часть трофеев не учитывают важнейшую особенность римской ментальности – полководец нес не юридическую, а морально-этическую ответственность за присваивание добычи. При этом было нормой, негласным обычаем, что он имеет право на ее часть, но если он оставлял себе слишком много, то это могло существенно помешать его дальнейшей политической карьере.

В докладе «Римский консулат эпохи “золотого века” республики (теория и практика)» *А.В. Васильев* (Санкт-Петербург) отметил, что консулат как высшая республиканская магистратура сложился в своей классической форме к середине IV в. до н.э. Однако в ходе дальнейшего развития консулат подвергся внутренней трансформации. Во II в. до н.э. (в так называемый Золотой век республики) консулы, все более теряя свои традиционные военные полномочия в связи с распылением войск в разных провинциях, постепенно приобретали чисто функциональную роль (председателей сената и комиций и номинальных руководителей республики), тогда как реальные властные полномочия сосредоточились в римском сенате. В докладе «Образ Гая Мария в античной традиции» *К.И. Зуден* (Санкт-Петербург) в своих выводах опиралась, прежде всего, на свидетельства Саллюстия, Цицерона, Веллея Патеркула, Плутарха, Аппиана. Обращаясь к созданному античными авторами образу Гая Мария, К.И. Зуден рассмотрела основные этапы жизни и деятельности знаменитого полководца и политического деятеля эпохи Поздней Республики.

На утреннем заседании 29 октября на *секции по истории древней Греции* было прослушано и обсуждено шесть докладов, посвященных преимущественно проблемам истории классической Греции (председатель – Е.А. Чиглинец). *И.Р. Блохина* (Тамбов) в докладе «Философы и правители: опыт взаимоотношений интеллектуалов и политиков в Греции V–IV вв. до н.э.» подчеркнула, что интерес древних философов к сфере общественной жизни, вопросам управления и личности правителя общеизвестен. Он возростал в периоды кризисов и потрясений, именно таким можно считать и позднеклассический период греческой истории. Попытки влияния на характер и стиль правления государственных мужей греческих философов в V–IV вв. до н.э. были различны: от теоретических построений и советов до прямого вмешательства в политику. Проблему взаимоотношений философов и правителей И.Р. Блохина предложила рассматривать с точки зрения практических результатов в политике, их социального резонанса, а также с точки зрения психологии взаимовлияния. *И. Куми* (Кипр–Санкт-Петербург) в докладе «Фукидид о взглядах Алкивиада на перспективы Сицилийской экспедиции» указала на существующее в историографии мнение о том, что Фукидид неумеренно восторгался личностью Алкивиада. По мнению И. Куми, это преувеличение, хотя, безусловно, историк считал Алкивиада выдающимся политическим деятелем своего времени. По ее мнению, нельзя сказать, что Фукидид был сторонником или противником Алкивиада: он одновременно признавал огромный талант последнего и считал его типичным представителем аморальной элиты того време-

ни. Между тем нравственность и политические идеалы, по Фукидиду, необходимы для продуктивной политической и общественной жизни.

Тема доклада *Е.В. Никитюк* (Санкт-Петербург) – «Афинская демократия в оценке Псевдо-Ксенофонта». Автор проанализировала обоснованность усилившейся в последнее время тенденции считать Псевдо-Ксенофонта демократом на основании положительной оценки им некоторых элементов афинской демократии. Опираясь на источник, Е.В. Никитюк продемонстрировала, что Псевдо-Ксенофонт осуждал современную ему государственную структуру Афин прежде всего потому, что в ней была нарушена социальная справедливость в традиционном аристократическом понимании, когда лучшие (ἄριστοι) ущемлены в правах, а худшие (ποῦεροι) имеют все преимущества в общественной и частной жизни. По словам Псевдо-Ксенофонта, в Афинах провозглашен новый идеал социальной и государственной справедливости, основанный на праве «сильнейшего» устанавливать свои критерии для справедливости, согласно которым справедливым государственным строем в Афинах считают не «лучший», а самый «полезный» для большей части гражданского коллектива. По мнению Е.В. Никитюк, автор текста – образованный аристократ, придерживающийся умеренной олигархической позиции, который, видя, что в его родных Афинах, несмотря на аристократическое прошлое, в данный момент процветает демократия, захотел разобраться в причинах этого явления. Таким образом, признание целесообразности и успешности действий демократического правительства еще не делает самого Псевдо-Ксенофонта демократом.

Е.С. Данилов (Ярославль) в докладе «Безопасность (ἀσφάλεια) в исторической концепции Фукидида» отметил, что проблемы регулирования международных отношений и обеспечения международной безопасности, приковавшие к себе сегодня столь пристальное внимание, имеют гораздо более давнюю историю, чем может показаться на первый взгляд. Одним из первых письменных источников, содержащих глубокий анализ отношений между суверенными политическими единицами, по мнению автора, стала «История» Фукидида. Греческий историк, рассматривая причины многолетней войны между Афинами и Спартой, затрагивает вопросы общественной и личной безопасности в рамках полисной системы ценностей.

Тема доклада *Д.В. Бубнова* (Пермь) – «Гилипп и социально-политическая ситуация в Сиракузах в конце V в. до н.э.». Автор указал, что согласно утверждению Аристотеля (Pol. V, 3, 6, 1304a), государственное устройство Сиракуз после победы над экспедиционными силами Афин и их союзников сменилось на демократическое. Анализируя причины этого явления, автор доклада особое внимание уделил влиянию деятельности спартанского эмиссара Гилиппа на социально-политические преобразования, имевшие место в Сиракузах в конце V в. до н.э. По мнению Д.В. Бубнова, Гилипп, с одной стороны, стремился к тесному взаимодействию с проспартански настроенной олигархической группировкой Гермократа, а с другой, – был вынужден содействовать усилению военной и политической роли сиракузского демоса за счет привлечения к военной службе более широкого круга граждан. В заключение было отмечено, что противоречивые политические меры, предпринятые Гилиппом, привели, в конечном счете, к его собственному изгнанию из Сиракуз и выступили катализатором социально-политических конфликтов в среде сиракузского гражданства. *А.Ю. Еремин* (Самара) в докладе «Мирон Приенский и поздняя спартанская илотия» отметил, что один из дошедших до нас фрагментов «Мессеники» Мирона Приенского, автора III в. до н.э., где речь идет о спартанской практике отпуска на волю илотов (FGH Hist 106 F 1), представляет особый интерес с точки зрения эволюции илотии как специфической формы зависимости. Детальный анализ текста позволил автору заключить, что ко времени Мирона эта практика носила уже частный, а не коллективный характер, известный из свидетельств авторов классической эпохи. Данное обстоятельство, по его мнению, должно указывать на фактическую эволюцию спартанской илотии в направлении к так называемому классическому рабству.

29 октября на втором заседании *секции по истории Рима* (председатель – А.В. Махлаук) было прослушано пять докладов. *А.Б. Егоров* (Санкт-Петербург) в докладе «Первый триумvirат: время образования, цели и политические итоги» отметил, что, как правило, исследователи рассматривают первый триумvirат как соглашение трех политиков, которое было заключено в 60–59-х годах до н.э. и стало механизмом создания авторитарной власти и установления полного контроля «трех властителей» над политической жизнью Рима. По мнению автора, многие из этих выводов нуждаются в корректировке. А.Б. Егоров подчеркнул, что в своей основе союз трех политиков сложился в самом начале 60-х годов и затем лишь получил свое дальнейшее развитие, к тому же это был союз не трех лидеров, а скорее союз Цезаря и Красса с Помпеем. Триумvirат не был и не мог быть «орудием захвата власти»; хотя альянс Цезаря, Помпея и Красса объединил вокруг себя все антисенатские силы, триумвиры могли создать только систему политического равновесия, второй частью которой были правящие после диктатуры Суллы сулланцы и оптиматы. Как заключил автор, эта «двухпартийная

система» просуществовала до 53–52 годов, гибели Красса и союза Помпея и оптиматов, что означало создание новой политической конфигурации.

Тема доклада *Ю.А. Фединой* (Магнитогорск) – «Восточные клиенты Октавиана Августа». Известно, что Римское государство уделяло большое внимание организации политического контроля на завоеванных территориях. Малая Азия, где царства и полисы соседствовали с храмовыми общинами и племенными объединениями, создавала для Рима серьезные сложности в управлении, и это придавало особое значение патроно-клиентским отношениям в контроле за регионом. Ю.А. Федина подробно остановилась на рассмотрении характера взаимоотношений Октавиана Августа с его азиатскими «друзьями», союзниками и клиентами, на выявлении особенностей контактов между ними, на анализе воздействия римского политического деятеля на восточную клиентелу и оценке роли провинциалов в войне против Антония. В докладе «Август и кризис римской религии» *Т.А. Константинова* (Великий Новгород) указала, что до получения единоличной власти первого римского императора в сфере религии интересовало религиозное обоснование своих претензий на первое место в государстве. Данная тенденция проявлялась как в стремлении подчеркнуть божественность своего происхождения и избранность, так и в пропаганде мысли о своей особой близости к Аполлону. По мере получения всей полноты власти в сфере интересов Августа оказалась римская религия в целом. Несмотря на то что наследие, доставшееся императору от республиканской эпохи, было очень тяжелым, временное преодоление кризисных тенденций в римской религиозной системе, по мнению Т.А. Константиновой, стало одним из успешных свершений Августа.

Проблемы эволюции принципата в правление наследников Августа оказались в центре внимания в двух докладах. *И.А. Исаева* (Санкт-Петербург) в докладе «Принципат Тиберия в трактовке Веллея Патеркула» указала, что почти полное отсутствие трудов современников раннего принципата, а также особенности политической ситуации в Риме обусловили необходимость обращения к свидетельствам более поздних авторов, поэтому тем более возрастает значение труда Веллея Патеркула, который являлся свидетелем описываемых им событий. Зачастую Веллея обвиняют в необъективности изложения событий ввиду его проправительственной ориентации, а также в отсутствии сколько-нибудь ясной исторической концепции. Согласно Веллею, который посвятил правлению Тиберия 38 глав «Римской истории», идея наследственности власти была принята и одобрена обществом, переход власти от Августа к Тиберию был обеспечен не авторитетом Августа, а личными заслугами Тиберия, государственного деятеля, чье последующее правление вышло важным этапом в развитии римского государства, как отметила автор доклада. Тема доклада *Е.Л. Смирновой* (Петрозаводск) – «Финансовая политика императора Тита». Автор проанализировала свидетельства античной традиции об основных направлениях финансовой политики младших Флавиев и пришла к выводу, что вряд ли возможно считать вполне объективным как представление о необыкновенной щедрости Тита, с похвалой подчеркиваемое в традиции, так и обвинение в финансовой некомпетентности, не единожды выдвинутое в адрес этого императора в новейших исследованиях. Финансовая политика императора Тита была тщательно продуманной, ибо за фасадом всех благодеяний императора всегда имелся солидный источник для их выполнения, а состояние финансов в начале правления Домициана оказалось очень стабильным. Е.Л. Смирнова показала, что восхваление щедрот Тита было во многом следствием не реальных трат, а умелого прославления щедрости императора, при этом все действительные затраты Тита были отнюдь не бескорыстными, но преследовали совершенно четкую цель – укрепление престижа династии и обеспечение личной популярности принцепса, в чем он, безусловно, преуспел.

На дневном заседании 29 октября на *секции по истории древней Греции* (председатель – Е.А. Молев) было обсуждено пять докладов. В докладе «Политика Афин на Западе в первые десятилетия IV в. до н.э.» *В.В. Антонов* (Нижний Новгород) проанализировал методы дипломатии и военные акции афинян, пытаясь определить причины изменения политики Афин на западе в первые десятилетия IV в. до н.э. Рассматривая вопрос о статусе Керкиры во Втором Афинском морском союзе, автор пришел к выводу, что Керкира стала первым государством, вошедшим в состав союза не путем присоединения к общему договору, но заключив двустороннее соглашение с Афинами. В целом же политика Афин на западе не имела самостоятельного значения, так как была подчинена главной цели – борьбе со Спартой. Причины этого автор видит как в нехватке ресурсов у Афин, так и в общем кризисе полисной идеологии. *А.Б. Шарнина* (Санкт-Петербург) в докладе «Институт асиили в древней Эллады» подчеркнула, что обычай асиили (неприкосновенности) восходит к древнейшим представлениям о насилии в священном месте как святотатстве и основывается на неписаном праве. По мнению автора, со временем полисы, а в эллинистический период и монархии, стали подтверждать право асиили взаимными соглашениями, которые распространяли асиили теперь не только на территорию святилища, но и на земли вокруг него, а иногда и на весь город (хотя расширение территории святилища, дававшего убежище всем, в том числе и преступникам, могло стать опасным для города).

Кроме того, как указала А.Б. Шарнина, асилия также давалась как привилегия людям, правителям и государствам, оказавшим благодеяния полису. В эпоху эллинизма асилия становится важной частью международного права, дающей хоть какие-то гарантии безопасности святилищам, городам и людям во время войн и набегов.

Доклад О.В. Кулишовой (Санкт-Петербург) «Реквизит в древнегреческом театре» был посвящен преимущественно такому важному компоненту театрального реквизита, как маска. Обратившись к вопросу о происхождении, семантике и функционировании маски у древних греков, автор отметила, что контекст ее бытования выходил за пределы театральных подмостков и особо подчеркнула связь маски со сферой сакрального, что касается, прежде всего, происхождения театральной маски, родившейся из культа Диониса. Однако и после появления собственно театральных масок, использовавшихся для усиления выразительности театрального образа, маска сохраняет свою сакральную основу. Изображениями театральных масок (применявшимся в качестве декора архитектурных сооружений, помещавшимся в погребение и др.) приписывали апотропеические свойства.

И.А. Ладынин (Москва) в докладе «Походы царей и походы богов: топос “завоевания мира” в античной традиции эллинистического времени» проанализировал сведения античной традиции классического и эллинистического времени о походах, направленных на завоевание Азии и всего мира древним царем – великим египетским завоевателем, известным как Сесострис, Сесонхосис или Сесоосис (у Геродота, в сведениях ряда авторов IV в. до н.э., особенно, у Дикеарха Миссенского в передаче Диодора Сицилийского) и богами Дионисом и Осирисом (у Диодора Сицилийского и в ряде фрагментарных свидетельств, в том числе у Манефона и Дикеарха). И.А. Ладынин высказал предположение, что топос масштабных завоеваний в древности, сам по себе сложившийся на основе топоса «владычества над Азией» ряда древних народов, сначала бытовал в применении к историческому персонажу, считавшемуся реальным, а затем, в последние десятилетия IV в. до н.э., т.е. на заре эллинизма, был перенесен на богов. Доклад А.М. Беликова (Саратов) «Милет и *milax*: древний миф или изобретение филолога?» был посвящен анализу малоизвестного мифологического сюжета о происхождении имени Милета, ойкиса и эпониима знаменитого ионийского города, от названия растения *милакс*. В заросли этого растения, согласно мифу, герой был брошен своей матерью после рождения. Этот сюжет известен нам лишь из схолиев к «Аргонавтике» Аполлония Родосского и лексикона Кирилла. В докладе были рассмотрены проблемы источников схолиев, разночтения в их рукописной традиции, была предпринята попытка выяснить точное значение названия *милакс* в данном фрагменте, поскольку этим словом могли обозначаться различные виды растений, а также поставлен вопрос о времени появления этого любопытного мифологического сюжета.

Во второй половине дня 29 октября продолжила работу секция по истории Рима (председатель – Ю.Б. Циркин), посвященное проблемам истории Поздней Римской империи. В докладе «Аммиан Марцеллин как историк жизни и деяний императора Юлиана Отступника» Е.А. Пак (Санкт-Петербург) заметила, что личность и правление Юлиана широко освещены в литературе того времени, но суждения об этом императоре были в большинстве своем необъективными и зачастую зависели от личного отношения автора к Юлиану. «Римская история» Аммиана Марцеллина представляет собой весьма ценный источник для этой эпохи не только потому, что автор был ближайшим сподвижником императора, но и потому, что он выступил в этом труде как обстоятельный и беспристрастный историк. В сочинении Аммиана содержатся редкие сведения о жизни Юлиана, так как автор сам участвовал в персидском походе императора в 363 г. и даже находился около него в момент смерти. В своем повествовании Аммиан позволяет себе и резкие высказывания в адрес политики Юлиана, однако в сравнении с другими авторами его суждения отличаются прямоотой и правдивостью. При этом стоит учитывать, что Аммиан писал свою историю уже после смерти Юлиана и, возможно, поэтому уже не опасался критиковать действия человека, которым открыто восхищался. Тем не менее, заключила Е.А. Пак, сведения Аммиана в большинстве своем точные и подробные, поэтому его оценку правления Юлиана можно рассматривать как наиболее объективную и, безусловно, необходимую для суждения о личности и правлении этого императора.

В докладе «Термин *peregrinus* в поздней Римской империи» Д.Ф. Шипилов (Великий Новгород) отметил, что до 212 г. этот правовой термин служил инструментом регламентации отношений между римскими гражданами и субъектами локальных правовых систем. С изданием эдикта Каракаллы его значение трансформировалось и перестало относиться к негражданам, однако некоторые источники продолжали употреблять термин в прежнем смысле. Кроме того, по мнению автора, с прежними *peregrini* могла теперь идентифицироваться социально-правовая категория *dediticii*, исключенная из числа реципиентов гражданского права. Доклад А.Н. Грешных (Москва) «Ипатия Александрийская (370–415 гг.) – ученый на рубеже эпох» был посвящен проблемам истории науки и культуры в эпоху Поздней Римской империи.

Тема доклада *Н.С. Широковой* (Санкт-Петербург) «Особенности социально-политического строя кельтов доримского периода». Автор указала, что в этот период у кельтов существовали политические институты, которые, на первый взгляд, кажутся хорошо известными структурами из триады первобытной демократии: царская власть, совет старейшин (сенат) и народное собрание. В действительности, по мнению автора, эти институты имели другой смысл. Кельтские цари, о которых говорил Цезарь в «Записках о Галльской войне», были могущественными магнатами, составлявшими слой галльской аристократии, из которой временами происходили носители единоличной власти. Галльские сенаты были аристократическими советами, решавшими важнейшие вопросы государственной жизни, которые в демократических обществах подлежали решению только народного собрания. Упоминаемые Цезарем собрания галльских общин (*publica consilia*) также были собраниями знати, на которые плебс являлся в качестве клиентов какого-либо магната. В заключение Н.С. Широкова сделала вывод, что у кельтов доримского периода, как и у гомеровских греков, политическая власть принадлежала аристократии, только у кельтов это была не родовая знать, а аристократия феодального типа, опиравшаяся на систему клиентов и военных дружин. В докладе *Ю.В. Куликовой* (Москва) «Международные отношения в “Галльской империи”» были выделены три основных направления в международных отношениях галльского государственного образования: военно-политическое, экономическое и религиозное. Из этих направлений самым активным было военно-политическое, вызванное необходимостью защиты «Галльской империи», предполагавшее, прежде всего, взаимоотношения с Римской империей, а также с отдельными провинциями, имевшими тот или иной статус, и, кроме того, контакты с германскими племенами. По мнению автора, наличие различных направлений в структуре международных отношений является еще одним доказательством самостоятельности «Галльской империи» как государственного образования.

29 октября состоялось заседание *секции источниковедения и историографии* (председатель – Т.В. Кудрявцева). *А.В. Короленков* (Москва) в докладе «Легенда о братьях Филенах в “Югуртинской войне” Саллюстия» отметил, что смысл этой легенды состоит, по-видимому, не в сопоставлении подвига братьев Филенов из Карфагена с подвигами Метелла и не в их противопоставлении Постумиям Альбинам, а в контрасте с Югуртой и Бокхом. Ведь в одном случае близкие родственники (братья Филены) едины в добром деле (служении отечеству), в другом (тесть Бокх и зять Югурта) едины в злом (противостоянии Риму). По мнению автора, легенда о Филенах имела явно карфагенское, а не греческое происхождение, как нередко считается. Особенности античной историографии был посвящен доклад *К.В. Маркова* (Нижний Новгород) «Факторы исторического процесса в “Римской истории” Диона Кассия». В этом сочинении прослеживаются представления о целом ряде факторов, влияющих на ход истории: человеческая природа, личные качества политиков и полководцев, государственный строй, сверхъестественные силы, указал автор. В книгах, посвященных царскому и республиканскому периоду, важнейшей движущей силой истории оказывается человеческая природа как неизменная и универсальная для всех людей сущность. Вероятно, данный подход был заимствован Дионом у Фукидида. Вместе с тем, как подчеркнул К.В. Марков, историк, описывая события эпохи Принципата, придает гораздо большее значение субъективному фактору и широко применяет технику биографического повествования.

Два следующих доклада были посвящены особенностям развития отечественного антиковедения. В докладе «М.С. Куторга и В.М. Ведров: причины и последствия конфликта учителя и ученика» *А.М. Скворцов* (Челябинск) обратился к деятельности Михаила Семеновича Куторги (1809–1886), профессора Петербургского университета, основоположника первой русской школы исследователей античности. Автор отметил, что не со всеми учениками у М.С. Куторги складывались ровные отношения, что во многом определялось сложным характером мэтра, а с одним из первых подопечных, с В.М. Ведровым, произошел даже конфликт. Как подчеркнул А.М. Скворцов, этап, формирующий ученого, в школе М.С. Куторги не оканчивался защитой магистерской диссертации, так как профессор был убежден в том, что ученики в любом возрасте должны считаться с ним и не пренебрегать его мнением. Устав от опеки, Ведров разрывает всякие отношения со своим наставником, что привело в итоге к невозможности защиты докторской диссертации и к смене профессии. В докладе *А.Г. Грушевого* (Санкт-Петербург) «М.К. Петров и его концепция развития античной культуры» кратко была рассмотрена биография и взгляды Михаила Константиновича Петрова (1924–1987), известного философа и культуролога советского периода, работавшего преимущественно в Ростовском государственном университете. Анализируя написанную в 1966 г. работу М.К. Петрова «Античная культура» (М., 1997), автор доклада указал, что эволюцию античной культуры М.К. Петров определял как последовательное усложнение и разрастание социальных структур общества: человек–государство, город–государство, союз городов, империя. А.Г. Грушевой подробно остановился также на взглядах М.К. Петрова на другую важную проблему – возникновение того, что в науке нередко называется «агональным духом». М.К. Петров считал возможным связывать дух состязательности с морепла-

ванием, т.е. с борьбой со стихией, не подвластной человеку. Автор доклада особенно подчеркнул стремление М.К. Петрова учесть психологический фактор, менталитет греков архаического периода, что, по мнению А.Г. Грушевого, значительно приближает нас к реальному, не мифологизированному пониманию, как и почему «заработали» предпосылки, приведшие к формированию греческой культуры.

С.М. Жестоканов (Санкт-Петербург) в докладе «Классическая археология в Швеции» подчеркнул, что особое значение в шведском антиковедении имеет классическая археология, поэтому большинство шведских историков, занимающихся историей античной цивилизации, одновременно являются и классическими археологами. Серьезный импульс для развития античной археологии в Швеции был дан наследным принцем Густавом Адольфом (с 1950 г. – король Густав VI Адольф), по инициативе которого в 1926 г. был основан Шведский археологический институт в Риме (первым его директором стал Аксель Бозтиус), а в 1946 г. по типу римского был создан Шведский археологический институт в Афинах, который возглавил Эрик Хольмберг. Сам Густав VI Адольф за свою долгую жизнь участвовал более чем в 30 экспедициях и, что примечательно, уже будучи королем, не гнушался работы киркой и лопатой. Среди регионов, исследуемых шведскими археологами, по интенсивности проводимых работ и обширности найденного материала, по мнению автора доклада, следует особо выделить четыре: Арголиду, Мессению, Кипр и Карию. Первыми руководителями экспедиций были Аксель Вальдемар Персон (в Арголиде и в Карию), Маттиас Натаналь Вальмин (в Мессении), Эйнар Ерстад (на Кипре), под руководством которого в ходе экспедиции 1927–1931 гг. были сделаны наиболее значительные открытия. В настоящее время наиболее значительную роль в продолжающихся археологических исследованиях перечисленных объектов играют Берит Веллс и Робин Хэгг.

Заседание завершилось докладом *А.И. Карасевой* (Иваново) «Представления о факторах исторического процесса в Греции в книге “De viris illustribus” Корнелия Непота». По ее мнению, в биографиях знаменитых греков в силу специфики жанра на первый план выходит воздействие на ход событий самого человека: из 19 биографий в 4-х (Аристиды, Ификрата, Агесилая, Лисандра) в качестве факторов такого влияния упоминаются только замыслы, воля и положительные или отрицательные качества героя повествования; в шести (Кимон, Хабрий, Тимофей, Эпаминонд, Дион, Фокион) – кроме качеств самого героя также можно выделить качества народа, в основном отрицательного свойства. К достижению желаемого результата ведет также удача (удачливость, счастье – *felicitas*), присущая человеку (Мильтиад и Лисандр). В жизнеописании Эпаминонда даже подчеркивается, что один человек больше значил для судеб Греции, чем целое государство. Однако наряду с человеком действуют и неподвластные ему силы, к каковым относится судьба – *fortuna*, упоминаемая в 6 биографиях из 19. Присутствие и влияние богов прослеживаются только в последней, завершающей греческую серию биографии Тимолеонта, но в самом общем виде – в передаваемом мнении героя, которое никак не комментируется его современниками или автором сочинения, что создает впечатление весьма формальной отсылки к общепринятому среди греков мнению, но не более того. В греческой части «Жизнеописаний знаменитых мужей» нет развернутых суждений автора о факторах исторического процесса, но те или иные авторские реплики встречаются в первую очередь в биографиях тех героев, чья деятельность и события жизни вызвали аллюзии с периодом Гражданских войн в Риме. Таким образом, как заключила автор, события греческой истории осмысляются в этих случаях в терминах периода Гражданских войн, в частности, появляется такой мотив деятельности, как нежелание участвовать в «резне граждан».

Утром 30 октября состоялось заседание *секции истории Северного Причерноморья в античную эпоху* (председатель – С.Ю. Сапрыкин), специально посвященное памяти выдающегося археолога и историка Ярослава Витальевича Доманского. В докладе «Я.В. Доманский как исследователь античного Причерноморья» Э.Д. Фролов дал обзор биографии замечательного ленинградского/петербургского археолога и историка, охарактеризовал его главные труды по истории античных городов северного Причерноморья, его вклад в археологическое исследование многих причерноморских памятников и изучение добытых раскопками произведений древнего искусства. Докладчик присоединил к этому свои личные воспоминания о жизни и ученых занятиях Я.В. Доманского.

Тема доклада *Ф.В. Шелова-Коведяева* (Москва) – «Штрихи к культу Аполлона Врача в среде милетских колонистов Понта Эвксинского». Автор отметил, что ранее он предлагал – исходя из многозначности той ипостаси Аполлона, в которой он покровительствовал прибывшим в Черное море эмигрантам из Милета – интерпретировать понятие «Врача» как восстановителя и строителя, что было важно для переселенцев. Теперь автор указал также на важность того обстоятельства, что эллинская мифология локализовала точки возможного попадания человека в потусторонний мир, в частности, в Северо-Западном Причерноморье и в некоторых местностях Южной Италии и Сицилии. В данной связи автор обратил внимание на то, что названный эпитет может иметь корни в

восточных обрядах «перехода»; его использование в качестве наследственного титула в среде жрецов италийской Веллии, применявших в рамках пифагорейского культа технику инкубации, по мнению Ф.В. Шелова-Коведяева, указывает на ту же возможность. В докладе «Еще раз о Траяне и Савромате I Боспорском» *В.Н. Парфенов* (Саратов) напомнил, что на «Боспорских чтениях» в 2009 г. он выразил сомнение в справедливости существующего в науке мнения о том, что при царе Савромате I (93/4 – 123/4) имел место политический или даже военный конфликт между Боспором и Римом, и тогда в дискуссии по этому поводу мнения участников разделились. В данном докладе автор привел дополнительные соображения по поводу того, что конфликта между Римом и его сателлитом не было и относящиеся к этому периоду следы разрушений на территории Азиатского Боспора должны объясняться другими причинами.

И.В. Пьянков (Великий Новгород) в докладе «К истории Великого Шелкового пути: дата Мая Тициана» обратился к анализу сочинения Мая Тициана (Maes Titianus) – итинерария, единственного в своем роде в античной литературе, в котором дано полное описание всего наземного маршрута Великого Шелкового пути от сирийского Гиераполя и римской границы на Евфрате до столицы Се-рики (т.е. Китая). Этот итинерарий не дошел до нас в первоначальном виде, материалы его были использованы Марином Тирским и через посредство этого последнего – Клавдием Птолемеем, по сочинению которого итинерарий Мая и известен нам. Май Тициан сам не ходил в страну серов, но получал сведения из первых рук – от посылаемых им в столицу серов торговцев. К сожалению, ни одного прямого указания на время этих путешествий в источниках не содержится, так что их приходится датировать только по косвенным данным с учетом исторической обстановки. Поэтому не удивительно, что разброс мнений здесь очень велик: примерно от начала нашей эры до начала II в. н.э. Абсолютное большинство исследователей склоняется к поздним датам: конец I – начало II в. н.э. Автор рассмотрел возможность датировки, основываясь на анализе исторической обстановки на наземной трассе Великого Шелкового пути в пределах 64 г. до н.э. – 120 г. н.э. Исходя из исторической ситуации, складывавшейся на западном конце Великого Шелкового пути, на римско-парфянской границе, И.В. Пьянков привел аргументы в пользу ранней датировки торговых путешествий агентов Мая Тициана, а именно примерно концом I в. до н.э. – началом I в. н.э.

Тема доклада *Е.Г. Застрожнава* (Санкт-Петербург) – «Раскопки А.Б. Ашика и Д.В. Карейши в Фанагории (1830–40-е гг.)». Известно, что история изучения Фанагории началась в конце XVIII в. и продолжается по сей день. В 1790 г. были зафиксированы первые раскопки на территории этого памятника. Затем, вплоть до 30-х годов XIX в. территория городища никем не исследовалась. Автор отметила, что в 1830–40-е годы в истории археологического изучения Фанагории связаны с именами директора Керченского музея Антона Бальтасаровича Ашика и его помощника Дамиана Васильевича Карейши, на протяжении ряда лет проводивших раскопки в фанагорийских курганах. Доклад *Ю.Н. Кузьминой* (Москва) «Апсидальное здание из раскопок 1979–1980 гг. в Фанагории» был посвящен рассмотрению возможного назначения здания апсидальной формы, исследованного В.С. Долгоруковым в 1979–1980 годах. Автор отметила, что для данного сооружения выделяются два строительных этапа: 1) начало – середина IV в. до н.э. и 2) конец IV – вторая четверть I в. до н.э. и показала, что для периода классики и эллинизма апсидальная форма построек в частном домостроительстве уже не характерна, что позволяет говорить о том, что данное здание могло быть либо публичным, либо сакральным комплексом. Ю.Н. Кузьмина предположила, что, скорее всего, это было святилище, так как для публичного здания оно имело слишком незначительные размеры. В заключение она поставила вопрос о том, является ли апсидальная форма сама по себе достаточным признаком того, что постройку можно относить к разряду святилищ.

30 октября на *секции истории раннего христианства* (председатель – К.В. Вержбицкий) было представлено семь докладов. Доклад *А.Д. Пантелеева* (Санкт-Петербург) «Феномен “отступничества” в религиозной жизни Римской империи I–III вв.» был посвящен исследованию одного из аспектов распространения религий в античном мире – теме отступничества – и восприятию его бывшими единоверцами. Религии античного мира не претендовали на монопольное обладание истиной, и они практически не сталкивались с этим явлением, хотя некоторые авторы с недоумением и презрением отзывались о современниках, принявших христианство или иудаизм (как, например, Лукиан о Перегрине). Намного чаще такая ситуация возникала при изменении философских взглядов (Тимократ, Метродор, Сильпон). Большую проблему это представляло для иудаизма и христианства. Об отступниках сообщают Филон Александрийский и Иосиф Флавий. Оба автора всерьез обеспокоены этим и пытаются предотвратить отпадение от Закона, причем особую озабоченность у них вызывают смешанные браки и проступки против пищевых запретов. Филон сравнивает иудеев-отступников с верными прозелитами: первые отправятся прямо в Тартар, а прозелиты будут награждены на небесах. Особенно увеличилось число таких случаев во время Иудейской войны: многие, поняв неизбежность подавления восстания, испытывали ощущение обреченности иудейского народа и не желали погиб-

нута вместе со всеми, а кроме того, к отказу от иудаизма их толкали неприязнь и подозрительность со стороны живущих рядом язычников. Еще более непросто было положение христиан. Уже в новозаветных сочинениях – «Послании к Евреям» и «Откровении Иоанна» – содержатся указания на тех, кто отпал. В «Пастыре» Гермия утверждается, что, в отличие даже от еретиков, для отступников нет покаяния; основные причины для отпадения от Церкви для Гермия – это гонения и боязнь лишиться богатства. Упоминания об отступниках во II – начале III в. встречаются у Юстина, в «Апокалипсисе Петра», «Церковной истории» Евсевия Кесарийского. Но особую важность этот вопрос приобретает в III в., с началом общегосударственных гонений. Самыми частыми причинами отступничества были политическое давление, карьерные амбиции, семейные и дружеские связи, предыдущий религиозный опыт и сомнения в выбранном образе жизни.

А.С. Волчков (Санкт-Петербург) в докладе «Организация религиозных микросообществ в Римской империи I–II вв.» исследовал организацию античных частных объединений (коллегий, иудейских синагог, христианских еkkлесий). Для определения характера внутреннего устройства автор обратился к решению вопроса о том, в какой мере в каждом из этих объединений получили выражение элементы транслокальности (наличия регулярных связей между сообществами одного типа) или локальности (автономного существования данного сообщества). Как отметил автор, традиционно считается, что в отличие от языческих объединений общины иудеев и христиан изначально представляли собой своего рода сеть, организацию взаимосвязанных общин. Однако некоторые языческие коллегии (техниты Диониса, философские коллегии, сообщества поклонников Митры, Исиды и т.п.) образовывали устойчивые межобщинные связи, то время как сообщества христиан нередко являлись в высшей степени автономными единицами, недоверчиво относящимися ко всяким межобщинным связям и надобщинным структурам. По мнению А.С. Волčkова, в действительности в организации христианских и иудейских сообществ долгое время не было какого-либо единства, каждая община была устроена так, как это казалось наиболее уместным для ее членов. Единые организационные стандарты начали получать распространение лишь к началу III в. по мере развития в христианстве и иудаизме транслокальных связей. В докладе «Христианская церковь Северной Африки в период гонений Деция» *А.В. Каргалыцев* (Санкт-Петербург) указал, что одним из важнейших направлений деятельности императора Деция была религиозная политика, направленная на возрождение традиционной римской системы культов, а также на развитие императорского культа. Докладчик дал правовую оценку эдикта Деция 249 г., а также рассмотрел его реализацию в римской Северной Африке. А.В. Каргалыцев обосновал точку зрения, что гонения Деция не носили исключительно антихристианского характера. Анализируя послания карфагенского епископа Киприана, в которых подробно описаны гонения в Африке, автор заключил, что реакцией на преследования христиан явился раскол внутри местной церкви, преодолевая который Киприан способствовал развитию на западе империи монархического епископата и постепенному сближению христианской церкви и языческого мира.

Доклад *Г.Е. Захарова* (Москва) «Иллирийский епископат и арианская смута в первой половине IV в.: личностный аспект церковного конфликта» был посвящен истории участия епископата балкано-дунайского региона в арианской смуте в первой половине IV в. По замечанию автора, в исторической литературе этот конфликт часто интерпретируется как борьба двух течений: никейского и евсевиянского, однако если обратиться к истории участия в конфликте отдельных лиц (в данном случае – четырех иллирийских епископов Урсакия, Валента, Протогена и Гауденция), то становится очевидным, что церковные течения в это время не обладали внутренней целостностью и определенными границами. Как подчеркнул Г.Е. Захаров, острота конфликта во многом определялась различиями в мотивации участвующих в нем лиц, а также наложением общецерковного противостояния на локальные противоречия. *Е.В. Сергеева* (Великий Новгород) в докладе «Киприан, епископ Карфагенский, о крещении детей» рассмотрела эволюцию ритуала крещения в античном христианстве. По ее мнению, к середине III в. н.э. наметились предпосылки для отказа от представлений о крещении как ритуале, завершающем процесс обращения в христианство, не допускающем дальнейших послаблений в соблюдении норм христианской жизни и, следовательно, доступном только зрелым людям. В центре исследования Е.В. Сергеевой оказалась переписка карфагенского епископа Киприана, на основании которой можно проследить дискуссии вокруг проблемы крещения младенцев. Автор заключила, что итогом этой полемики становится изменение концепции крещения, что, в свою очередь, ознаменовало начало нового этапа в становлении христианской идентичности.

Тема доклада *А.Б. Ваньковой* (Москва) – «Монахи как возмутители спокойствия: социально-религиозная практика IV–V вв.». Автор обратилась к проблеме участия монахов в целом ряде социальных и религиозных конфликтов IV–V вв. и исследовала вопрос о том, насколько велика была роль монашества в этих конфликтах и носили ли они действительно агрессивный, насильственный характер. А.Б. Ванькова также попыталась выяснить достоверность представления о монахах как одних из главных возмутителей спокойствия в Поздней Римской империи. Работа секции завершилась докладом

И.А. Копылова (Москва) «Христианство и “этничность” в позднеримской и вандалской Африке», в котором он отметил, что городское население Римской Африки, придерживавшееся ортодоксального христианства, продолжало осознавать себя *Romani*. Это понятие, с одной стороны, обозначало романизированных жителей Африки, имеющих римское гражданство, с другой – могло обозначать приверженцев Никейского Символа веры, в противоположность завоевателям-арианам. В противоположность им, основная масса слабороманизированных сельских жителей хранила память о своем семитском, финикийско-пуническом происхождении, охотно называя себя ханаанеями (*Chenani*). При этом, по замечанию автора, единственным языком культуры в Африке того времени была латынь, и христианизация региона повлекла за собой создание особой латиноязычной субкультуры с местным колоритом. Христианство для местного населения было своего рода введением в латинскую культуру.

Во второй половине дня 30 октября состоялось заключительное пленарное заседание конференции. В докладе «Правление Антонинов в освещении Диона Кассия» А.В. Махлаюк (Нижний Новгород) проанализировал особенности того нарративного модуса, который используется Кассием Дионом в рассказе о правлении династии Антонинов, и показал, какие черты и тенденции той или иной эпохи и как определяют ее место в общем ходе римской истории. В том «пятикнижии» «Римской истории», которое посвящено этому времени (книги LXVIII–LXXII), по мнению автора, как раз и происходит последняя смена одного нарративного модуса другим, что позволяет более четко определить взгляд Диона на место данного периода в общем ходе истории императорского Рима. Дион на собственном опыте в полной мере ощутил этот перелом и определил его сущность как переход от «золотого царствования» Антонинов к «царству железа и ржавчины». Определяющим фактором суждений Диона было крушение того консенсуса, который существовал между императорами и правящими элитами в период от Нервы до Марка. В данном разделе своего труда автор «Римской истории» широко использует биографическую «технику», приводит многочисленные анекдоты, помещая в начало и конец рассказа о каждом правлении обобщающие вводные и итоговые характеристики императоров. Наиболее позитивно Дион оценивает Траяна и Марка Аврелия. Однако и в характеристиках других императоров он избегает однозначности, отмечая противоречивые черты у Адриана и даже у Коммода. Важной особенностью данной части «Римской истории» является опора на разнообразную устную традицию и собственные наблюдения историка.

И.Л. Тихонов (Санкт-Петербург) посвятил свой доклад «Я.И. Смирнов в Петербургском университете: студент, магистрант, приват-доцент» одному из видных российских археологов и востоковедов рубежа XIX–XX вв. В докладе были охарактеризованы важнейшие страницы жизни ученого – его учеба и начало преподавательской и научной деятельности. Я.И. Смирнов обучался у ряда выдающихся ученых, но его наставником и руководителем в области истории искусства и культуры был прежде всего знаменитый ученый, профессор, (главный) хранитель Эрмитажа Н.П. Кондаков. По окончании университетского курса Я.И. Смирнов был принят на работу в качестве приват-доцента. С научными целями он побывал в южных областях Российской империи – в Крыму (в Херсонесе, Керчи), в Грузии (в Тифлисе, Кутаиси), совершил вместе с М.И. Ростовцевым, Б.В. Фармаковским и другими будущими знаменитыми учеными научное путешествие по ряду стран Средиземноморья. Особенно основательно коллеги изучали памятники Греции. В эти годы Я.И. Смирнов установил и поддерживал в дальнейшем научные контакты с зарубежными коллегами, прежде всего с немецкими исследователями, общаясь с ними в том числе в Римском отделении Германского Археологического института.

О.Ю. Климов (Санкт-Петербург) в докладе «Историк и политика: публицистическая и политическая деятельность Эдуарда Мейера» отметил, что выдающийся немецкий историк в годы первой мировой войны и в последующие десятилетия принимал достаточно активное участие в политической жизни страны и выступал как публицист. Наиболее известным его трудом стала опубликованная в 1915 г. книга «Англия, ее государственное и политическое развитие и война с Германией» (издана в США в 1916 г. на английском языке), которая вызвала в Великобритании резкую негативную реакцию из-за содержащихся в ней обвинений в адрес страны. Главным из них было то, что, по мнению Эд. Мейера, именно Великобритания сыграла решающую роль в развязывании Первой мировой войны. Британский ученый и политик Дж. Робертсон в 1917 г. выступил с ответом «Британия против Германии. Открытое письмо Эдуарду Мейеру, автору книги “Англия, ее государственное и политическое развитие и война с Германией”». Робертсон стремится опровергнуть обвинения Эд. Мейера и в свою очередь обрушивает ряд обвинений в адрес Германии и ее внешней политики, а также в адрес самого Эд. Мейера. По мнению О.Ю. Климова, в политической деятельности Эд. Мейер придерживался консервативных взглядов, выступал с резкой критикой Версальского мирного договора и публично поддержал в марте 1920 г. вместе с группой других видных представителей немецкой интеллигенции путч Каппа – Лютица, организаторы которого выступили против исполнения условий Версальского мирного договора о сокращении армии, флота и т.д.

В докладе «Земное и небесное в раннехристианском гимне: раннехристианские песнопения как исторический источник» *В.В. Василик* (Санкт-Петербург) подчеркнул, что раннехристианские и византийские гимнографические памятники стремятся отразить не только сверхъестественную, но также и историческую реальность. По мнению автора, для прочтения религиозно-поэтического текста, безусловно, необходима особенная методология, связанная со значительной ролью Священного Писания, при этом необходимо применять герменевтический подход в широком смысле этого слова, так как он способствует не только общему пониманию смысла памятника, но в ряде случаев и извлечению из него конкретной исторической информации. Так называемый «метод библейских семантических ключей», равно как и «целостно-парафразный метод», является далеко не единственным, хотя и весьма успешным при анализе гимнографических текстов. Если мы обращаемся к историко-географическому измерению гимнографических памятников, то, на первый взгляд, оно окажется весьма бедным и нечасто выходящим за пределы традиционных библейских топосов: Иерусалим, Вифлеем, Назарет, Вавилон, Египет и т.д. Однако это впечатление оказывается, по мнению докладчика, не совсем верным: во-первых, временами нам удастся непосредственно получить конкретную историко-географическую информацию, во-вторых, библейские топосы в ряде случаев благодаря герменевтическому подходу обретают свое конкретно-историческое звучание. К источникам первого порядка *В.В. Василик* отнес в частности надпись Аверкия, предоставляющую целый ряд в высшей степени ценных свидетельств по церковной географии II в., которые стали предметом подробного анализа в докладе, что позволило автору показать, что не только Сирия, но и Месопотамия (Заевфратье) были в определенной степени христианизированы. Весьма примечательно, по мнению *В.В. Василика*, также то, что Аверкий называет своим предтечей (буквально – «путем» или «носителем») апостола Павла, что можно понимать двояко – либо применительно к пути от Рима до Сирии и посещения Аверкием тех общин в Восточном и Западном Средиземноморье, которые связаны с памятью апостола Павла, либо, что менее вероятно, относительно пребывания Аверкия в Сирии, где ему предшествовал апостол Павел. Однако если у нас есть свидетельства из Деяний Апостолов о пребывании св. апостола Павла в Антиохии и в Дамаске, то нет известий о его посещении Восточной Сирии и Месопотамии, в частности Нисибина. Как заключил докладчик, если «сирийская интерпретация» этого стиха верна, то мы получаем нетривиальное свидетельство о проповеди апостола Павла в Месопотамии и Восточной Сирии.

Завершая работу конференции, *Э.Д. Фролов* в своем кратком заключительном слове отметил, что XI Жебелёвские чтения следует признать весьма удачными. Впечатляет как широкий диапазон научно-учебных центров, которые представляли исследователи, так и разнообразие тем обсужденных на конференции докладов, общее количество которых – 65 – весьма внушительно. *Э.Д. Фролов* подчеркнул важность и необходимость подобных научных контактов для отечественной науки об античности и выразил уверенность в том, что традиция «Жебелёвских чтений» будет продолжена.

О.В. Кулишова, Э.Д. Фролов

© 2011 г.

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ГЕОГРАФИЯ И ПОЛИТИКА В ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ И ДРЕВНЕМ РИМЕ» (Ловено ди Менаджио, вилла Вигони, 3–7 октября 2010 г.)

На вилле Вигони, расположенной неподалеку от г. Ловено ди Менаджио (Италия) на побережье озера Комо, начиная с 1986 г. действует итало-германский центр культурных связей, в котором регулярно проводятся международные семинары и конференции. С 3 по 7 октября 2010 г. здесь состоялась третья, заключительная, конференция в рамках итало-германо-французского проекта «География и политика в Древней Греции и Древнем Риме», инициаторами которого выступили проф. Г.-Й. Герке (Германский археологический институт, Берлин), проф. П. Арно (Лионский университет–2) и проф. Ф. Пронтера (Университета Перуджи). В качестве координаторов международного научного проекта в работе конференции приняли участие также проф. П. Функе (Мюнстерский университет), проф. П. Кунийон (Университет Бордо) и проф. Л. Польверини (Римский университет–3). На конференции было прослушано и обсуждено 16 докладов, посвященных изучению проблем взаимосвязи исторической географии и политических отношений в античном мире.

Открыл конференцию *П. Арно* (Лион) докладом на тему «Плиний Старший, Помпоний Мела и Марк Випсаний Агриппа: игры с цитатами и их политическая подоплека», в котором подробно